

REFUGEES IN THE REAR AREA OF THE WORLD WAR I (ON EXAMPLE OF ENISEY'S STATE)

UDC 94:2-5(571.51)

Anna P. Dvoretzkaya ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Galina M. Luschaeva ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Krasnoyarsk,
Russian Federation

Abstract:

On the basis of archival and published sources on the specific example of society Prieniseyskoy Siberia of 1914-1918. examines the potential social mobility refugees of The World War I, analyzed the measures and forms of social support aimed at maintaining life support in terms of property loss of social status. The authors come to the following conclusions on the example of the Yenisei province. During the First World War it had gained considerable experience in attracting additional resources at the time of emergencies. Developed specific activities in the field, designed to improve the status of large population groups moved in order to avoid the criminalization of the situation created by the territorial group assistance. Although the military situation was in this period of severe, order, safety and nutrition of refugees were organized well. Most of the refugees in a fairly short period of time to reach your destination. In the case of an effective material assistance and social support real bitterness of loss decreased significantly. However, the migration of refugees mobility was low, and the possibility of adapting them to the conditions of the Siberian small due to the prevalence among them women, children and streaks, low-skilled labor market. We forced migrants experienced an identity crisis experienced by

trauma led to psychological consequences. There were separation from their social and ethnic community.

Keywords: refugee, World War I, social mobility, orced migration, of 1914–1918.

1. Введение

Первая мировая война – одно из крупнейших переломных событий мировой истории. Бедствие, коренным образом изменившее карту мира. В зону мирового конфликта оказалась втянута значительная часть стран и народов. Россия также оказалась в водовороте военных событий, определивших ее собственную историческую судьбу.

Помимо экономического разорения, уничтожения материальных ценностей, гибели солдат, одним из основных следствий мирового конфликта стала гуманитарная катастрофа. Как указывает М.В. Оськин, передвижение миллионов людей в ходе военных действий, причем не столько военных, сколько гражданских лиц, стало новинкой в жизни Европы, дав импульс гуманитарному негативу, определившему лицо мировых войн. Для России, громадной в своем пространстве и немедленно по окончании Первой мировой войны бросившейся в омут Гражданской войны, общеевропейская гуманитарная катастрофа (гибель людей на войне, болезни, голод, эвакуация) стала пропастью, из которой удалось выбраться лишь в силу многочисленности населения страны (Оськин, 2014).

Война не только породила системный кризис всех явлений общественной жизни Российской империи, но и оказалась связана с масштабными перемещениями гражданского населения страны. Массовый приток вынужденных переселенцев во внутренние районы Российской империи начался весной 1915 г., когда немецкие войска перешли в

наступление в Галиции и на Буковине. Весеннее наступление вызвало новую волну стихийного беженства. Вынужденная депортация населения из прифронтовой зоны и стихийное беженство создали неконтролируемую ситуацию в стране (Суржикова и др., 2012: 140).

Официальная статистика того времени показала, что на 20 декабря 1915 г. в эту категорию населения вошли 2,7 млн. чел. (без Закавказья и с неполными данными по некоторым другим местностям). Регистрация, проходившая в начале 1916 г., выявила 3 млн чел., в конце того же года – 3,6 млн чел. (сведения с Закавказьем), летом 1917 г. – свыше 3,8 млн чел. По данным статистического отдела Татьянинского комитета, национальный состав 3,2 млн чел. призываемых беженцев в России (без Закавказья) на конец 1916 г. выглядел следующим образом: русские – 58,8 %, поляки – 15 %, латыши – 10 %, евреи – 6,4 %, литовцы – 2,8 %, эстонцы и др. – 7 % (Баженова, 2011: 21–27). По подсчетам современных специалистов к июлю 1917 года в России насчитывалось 7,4 млн беженцев (Суржикова и др., 2012: 140).

2. Материалы и методы

В данной работе на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума Приенисейской Сибири 1914–1918 гг. рассматривается потенциал социальной мобильности беженцев первой мировой войны, анализируются меры и формы их социальной поддержки, направленные на поддержание жизнеобеспечения в условиях потери имущества, социального статуса. Енисейская губерния в данной ситуации выступала принимающей стороной, которой пришлось экстренным порядком размещать беженцев и обеспечивать их всем необходимым.

В методологическом плане авторы обращают внимание, что одним из дискуссионных аспектов изучения социального кризиса и социальной катастрофы в России первой трети XX веков является проблема социальной мобильности населения страны в годы первой мировой войны,

когда резко увеличивается скорость и интенсивность перемещений, происходит культурная, экономическая, социальная дезинтеграция народа, деформация его поведения. При этом под мобильностью понимается не собственно миграция как территориальное перемещение, а способность к миграции, то есть потенциальная миграционная активность (Рыбаковский, 2001: 6).

В тоже время, годы первой мировой войны свидетельствуют, что наряду с традицией "расколов", в русской культуре существовала не менее сильная традиция их преодоления, устойчивое стремление к солидарности и диалогу различных слоев населения, значимую роль играли функции социальной преемственности и устойчивости, что позволило создать систему социальной поддержки беженцев на принимающих их территориях.

В статье был использован конкретно-исторический подход, позволяющий вписать конкретную принимающую модель местного сообщества в контекст социальной истории XX века. Историко-антопологический подход позволили выявить способы и формы выживания беженцев. Применялись историко-генетический, историко-сравнительный и системный подходы.

3. Обсуждение и результаты

В обзорной статье Л.Г. Поляковой рассматривается историография Первой мировой войны. Автор выделяет три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный российский, приводятся характерные особенности изучения истории каждого периода. Значимой чертой исследований в современное время автор считает отрешение от идеологических установок в толковании поведения людей. По мнению исследователя, историки начинают учитывать аспекты духовной жизни россиян в период войны, а также не изученная в советский период тема

беженцев и благотворительности. Основная масса работ посвященных истории Великой войны (1914–1918 гг.) сегодня обнаруживается в региональных исследованиях. Однако среди них не так много работ, комплексно рассматривающих историю отдельных тыловых губерний в период Великой войны (Полякова, 2015).

В настоящее время в ряде работ изучаются миграционные процессы в российских регионах, деятельность государственных и общественных организаций по помощи перемещенным лицам всех категорий. При этом обращается внимание на их национальный состав, географо-переселенческие параметры, добровольность и вынужденность переселений (Белова, 2014; Исторические исследования, 2011: 193).

В работах П. Гетрела, В.С. Утгоф, И.Б. Беловой поднимаются вопросы жизнеобеспечения беженцев на принимающих территориях, описывается процесс возвращения их на родину, дается оценка потенциалу социальной мобильности вынужденных мигрантов (Гетрелл, 2001; Утгоф, 2002, Белова, 2013; Белова 2014).

Часть работ регионально ориентирована. Из сибирских ученых необходимо выделить Ю.П. Горелова, И.В. Нам, Т.С. Комарову, М.Н. Колоткина, А.С. Кузьменко, В.М. Рынкова (Горелов 2002; Нам 2003; Комарова 2007: 39; Колоткин 2012: 5; Кузьменко 2014: 119, Рынков 2015). В этом отношении отечественные исследования смыкаются с антропологическим вектором западной историографии, когда происходит отказ от изучения собственно истории битв в сторону повседневных реалий войны (Spoerer, 2006; Vögele, 2009; Blum, 2011; Lange, 2015).

Значительно меньше работ, посвященных формированию общественно-государственной системы помощи беженцам, особенно на региональном уровне (Шевырин, 2000; Шевырин, 2003).

4. Результаты

Размещение беженцев на территории тыловых регионов России начинается в июле-августе 1915 г. В Сибирь беженцы пребывают с конца сентября 1915 г. На Азиатскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) к 1 февраля 1917 г. приходилось по подсчетам разных авторов от 86664 до 114637 человек, или 3% от всех беженцев. При этом численность беженцев уменьшалась по направлению на Восток. На первом месте по подсчетам сибирского ученого Л.М. Горюшкина находились Томская губерния, на втором – Акмолинская область. По подсчетам И.В. Нам в Иркутской числилось 42491 человек, на начало 1917 года – в Томской губернии насчитывалось 30488 беженцев, в Енисейской губернии – 12299 человек (Нам, 2003: 277, 278).

Прим: регистрация в годы войны охватывала лишь призреваемых лиц, поэтому число перемещенных жителей составляло намного большую цифру.

На 1 марта 1921 года общее число зарегистрированных беженцев в Енисейской губернии составило 6483 человек. Из них: русских 3164, латышей 1362, поляков 579, литовцев 291, евреев 153, немцев 137, белорусов 135 (Межэтнические связи, 2007:29).

Как указывает М.Н. Колоткин, в Сибирь шло преимущественно сельское население и неквалифицированные рабочие, кустари, ремесленники, крестьяне. Среди них доля беженцев нерусской национальности достигала 25–30 % (Колоткин, 2012).

Районами выхода из Белоруссии, например, стали Гродненская, Виленская, Минская и Витебская губернии. Наиболее многочисленными группами беженцев, стали латыши, латгальцы, поляки, белорусы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. ДД. 323, 324; Комарова, 2007: 39).

В Красноярске к 13 октября 1915 г. было зарегистрировано 926 семейств, всего 2690 человек. Основная масса осела в городе. На 24 октября этого же года в городе уже было зарегистрировано свыше 3000

беженцев, только 500 из них выехало в уезды. Так как Красноярск был переполнен войсками и военнопленными, квартирные хозяева не хотели размещать беженцев у себя. В дальнейшем предполагалось отправлять их на Восток по железной дороге. Тех же, кто пожелал остаться – размещать на переселенческом пункте или в уезде. По подсчетам, в Красноярском уезде возможно было разместить еще 1005 человек в близлежащих к городу селениях (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 5, 8). В Ачинске к 1 ноября 1915 г. было зарегистрировано 973 мигранта: 666 человек разместились в городе, 296 – в уездах (Кузьменко, 2014: 119).

Несмотря на стремление властей прекратить размещение беженцев губернском городе, их поток не прекращался. На 1 января 1916 г в Красноярске числилось 1039 семей, в составе 958 мужчин, 1292 женщины и 1533 детей, всего – 3783 человека. По национальностям беженцы составили: 2892 русских, 442 поляков, 248 латышей, 87 литовцев, 77 евреев, 37 других национальностей. *Прим.: к русским традиционно относили украинцев и белорусов.*(ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 15 об.).

Прибытие в регион значительного количества беженцев потребовало от местного сообщества сплочения сил для организации помощи. Как указывалось в циркуляре всероссийских Земского и Городского союзов от 18 ноября 1915 г. «...помощь беженцам есть дело не благотворительности, а обязанность государства и всего общества. В том временном и в общем беспорядочном виде, в котором дело помощи находится сейчас, оставлять его невозможно. Необходимо немедленно, не теряя времени и не дожидаясь, когда беспорядочное расселение беженцев и нецелесообразные формы помощи станут источником огромных расходов, приступить к выработке руководящих начал помощи.» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 1).

Проблемами беженства занимались государственное Особое совещание по устройству беженцев, полугосударственный Татъянинский

комитет, различные самодеятельные структуры (всероссийские Земский и Городской союзы), национальные комитеты (Павлова, 2003: 78–102).

В Красноярске помощь беженцам оказывал комитет помощи беженцам при Красноярском городском общественном управлении, а в исключительных случаях – уполномоченный Латышского центрального общества. Все беженцы в городе были распределены между 11 попечительницами в зависимости от района проживания, на переселенческом пункте постоянно проживал один человек, который вел и регистрацию вновь прибывших. Большую часть средств комитет получал из Государственного казначейства через посредство Красноярского городского общественного управления. Несколько раз поступали денежные суммы из Татьянинского комитета, частных благотворителей и учреждений (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 16 об., 17).

Часть беженцев (по-видимому, более состоятельные финансово) снимали квартиры самостоятельно. Другие проживали в квартирах, снятых комитетом помощи беженцам, всего в 222-х квартирах. 131 их этих квартир находилась в рабочей Николаевской слободе. 138 человек проживали в бараках на переселенческом пункте. Где и сколько беженцев проживали в Красноярском уезде, комитету известно не было (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 16).

Комитет предоставлял беженцам отопление, керосин для освещения, воду, выдавал одежду и обувь, мыло, оплачивал посещение бань, медикаменты, лечение в больнице Приказа общественного призрения, выплачивал пособия на похороны и крестины.

Продовольственная помощь деньгами или натурой оказывалась в течение двух недель со дня их прибытия в Красноярск. Помощь натурой выражалась в выдаче на руки $\frac{3}{4}$ фунта белого хлеба, чая и двух кусков сахара, кормления в столовой обедом, состоящим из двух блюд. Тем, кто проживал на переселенческом пункте, давались обед и ужин, выдавались

крупы и сало. Денежные выплаты производились в размере 20 коп. на одинокого и 15 копеек на семейного. Однако те одинокие беженцы, которые были призваны здоровыми, денежного пайка не получали и обязывались посещать столовую. Дополнительное питание организовывалось только для детей, посещающих школы. Им выдавался еще и завтрак.

Кроме этого, комитет проводил социальную работу: организовывал бесплатную медицинскую помощь, размещал детей в школы и приобретал им учебники, разыскивал отставших родственников, наводил всевозможные справки и оказывал юридические услуги, осуществлял дальнейшее перемещение по железной дороге и оплачивал расходы при перевозке имущества на грузовом транспорте. Для детей, оставшихся без родителей, был организован детский приют, рассчитанный на 30 воспитанников.

Для скорейшей адаптации беженцев в местном сообществе всем трудоспособным и не занятым воспитанием малолетних детей или присмотром за больными подыскивалась работа. Все, желающие получить заработок, регистрировались немедленно по прибытии в Красноярск. Осуществляло поиск бюро труда, действовавшее при справочно-трудоустройственной секции комитета. Сюда поступали все запросы от потенциальных работодателей. В их числе могли быть, как частные лица, так и правительственные учреждения. Комитет старался найти занятие, соответствующее профессиональной подготовке беженцев и «нормально оплачиваемое». При поступлении на работу, выдавались теплая одежда и обувь. В случае отсутствия работы по профессии, беженец продолжал пользоваться поддержкой государства, впредь до трехкратного отказа от труда, после чего он лишался пособия по решению особой комиссии, состоящей при бюро труда. По получении первого заработка всякая помощь прекращалась или уменьшалась. В последнем случае вопрос

решался индивидуально, и зависел от числа иждивенцев, содержащихся одним работающим, и суммы его заработка.

Комитетом была организована сапожная мастерская, где беженцы получали сдельное вознаграждение. В мастерской осуществлялась починка обуви, а также по заказу местного военного госпиталя изготавливались больничные туфли. Несколько партий было отправлено на ремонт пути Томской железной дороги. В документах также упоминается об использовании вновь прибывших на сельских работах. Однако, в целом, государственные организации в губернии не занимались организацией каких-либо общественных работ (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 9, 17 об.– 19 об; Д. 245. Л. 20, 52–56).

Ряд организаций также оказывали помощь беженцам. В годы Первой мировой войны был накоплен значительный опыт привлечения дополнительных ресурсов в момент чрезвычайных ситуаций. Например, церковные общины на местах достаточно быстро отреагировали на призывы о помощи. В пользу беженцев в августе–сентябре 1915 г. православными приходами на территории Енисейской епархии был объявлен сбор Ковша Зерна Нового Урожая (ЕЕВ, 1915. № 18. Л. 13)

25 сентября 1915 г. от Великой Княжны Татьяны последовал рескрипт с благодарностью прихожанам за проведение денежного сбора в пользу населения, пострадавшего от военных действий (ЕЕВ, 1915. № 21. Л.5). 27 октября пришла благодарность за помощь учащимся Красноярского духовного училища, которые пожертвовали 125 руб. (ЕЕВ, 1915. № 23. Л. 20). В декабре 1915 г. воспитанницами Епархиального женского училища был поставлен благотворительный спектакль, сбор от которого составил 400 руб. В мужских ролях принимали участие воспитанники духовной семинарии (ЕЕВ, 1915. № 23. Л. 20).

Весной 1916 года епископ Енисейский и Красноярский Никон пожертвовал региональному комитету помощи беженцам 3000 на содержание детского дома (Кузьменко, 2014: 119).

Жизнь их вдали от родины была трудной. При общей сутолоке беженцы теряли из виду своих родных и близких и в особенности детей, так что многие семьи не досчитывались то одного, то другого из своих членов. Как только беженцы намеревались где-нибудь поселиться, найти заработок или обратиться за пособием – от них тотчас требовали паспорта и, немного позже, кроме того особые удостоверения – беженцев и, во многих случаях также, удостоверение о национальности (Колоткин, 2012: 77).

Как указано в документах, основная часть беженцев оседала в городах, где легче было найти работу и помощь в условиях подорожания военного времени. В глубинке же помощь оказывалась минимальная, работа была только поденная. Самостоятельную деятельность по призрению беженцев проявлял только Красноярск, города же Ачинск и Канск, также получившие государственные ассигнования, возложили все обязанности на общественную организацию – Всероссийский союз городов. Отсюда – недовольство, размещенных в уездах, жалобы на малое пособие, отсутствие элементарных санитарных условий в переселенческих бараках (в Канске даже были случаи натуральной оспы). Беженцы нередко беспорядочно перемещались по линии железной дороги, самостоятельно заселялись в районах железнодорожных станций Боготол, Ачинск, Канск и Клюквенная (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 80–82). Особенно ужасное впечатление производили женщины: «муж на войне, а у нее 5–6 чел[овек] семьи, и один меньше другого, а самый малый, грудной – на руках» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 1).

Да и в губернском городе, постепенно, с увеличением числа вновь приехавших, возникали проблемы, связанные с трудовой и социальной

адаптацией. Беженская больница была переполнена, врачи отказывались ездить по квартирам, возникали угрозы эпидемий. При постоянной потребности в неквалифицированной рабочей силе, вновь прибывшие, претендовавшие на более высокую квалификацию, не всегда соглашались на работу и в глазах местных жителей оказывались «лодырями». Нередко, у новых жителей губернии не было теплой одежды и обуви для работы, необходимых рабочих инструментов. Разобщенность и несогласованность действий всех сторон в этом вопросе порождала некую напряженность. Многие, при попытках уехать или переместиться (для чего требовалось получить бесплатный и деньги на прокорм) в условиях военного времени, получали отказ со ссылкой на стремление к «тунеядству» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 1 об.–2).

Позиция Красноярского городского общественного управления по этому вопросу изначально была очень четкой и продуманной: «Беженцы – не нищие, нуждающиеся в благотворительности общества, – беженцы лишь жертвы войны, обязанные находиться на попечении государства... Несомненно, эта задача является новым бременем для государства...» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 21 об.).

Возможно согласиться с рядом авторов, что данная позиция власти не всегда находила понимание в беженской среде, неминуемо вела к ограничению диалога между властью и социумом, а значит, порождала некую напряженность между местными и приезжими (своими–чужими). На этой почве появлялись проблемы в области социокультурной адаптации. Возникали отрыв от своей социальной, этнической или некоей другой общности, некая маргинальность, что порождало альтернативную идентификацию и даже разрыв с прежней идентичностью (Суржикова и др., 2012: 143, 145).

5. Заключение

В целом же, значительное количество мигрантов во время войны усугубляло социальные проблемы Енисейской губернии, как и других принимающих регионов. Однако возможно говорить о создании и функционировании системы попечения о беженцах, объединившей усилия государственных и общественных органов, отдельных благотворителей. Данная система способствовала сглаживанию конфликтов. В годы Первой мировой войны складывается система чрезвычайных мер, направленная на улучшение состояния жизнеобеспеченности крупных контингентов населения. В ходе предпринятых усилий человек, испытывающий шок, травму, мог получить конкретную помощь.

Ряд противоречий так и не нашли своего разрешения: Отсутствие опыта в миграционном законодательстве, неопределенность статуса беженцев, разногласия между различными правительственными ведомствами привели к затягиванию утверждения закона о переселенцах и создания специального органа, призванного оказывать им помощь. В острый кризисный момент беженцы не всегда могли найти моральную поддержку местного населения, нередко видевшего в них иждивенцев, тем более влиться в местное принимающее сообщество. Потенциал социальной мобильности данной категории населения был низок.

Литература

Баженова, 2011 – Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 21–27.

Белова, 2013 – Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в

местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №12. С. 51 – 62

Белова, 2014 – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. – (Серия «АИРО-монография»). – М.: АИРО XXI, 2014. – 432 с., 16 с. илл.;

Гетрелл, 2001 – Гетрелл П. Беженцы в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 2001. №4 (122). С.46–72

Горелов, 2002 – Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. научн. трудов. Кемерово, 2002. Вып.4. С. 66–73.

ЕЕВ, 1915– Енисейские епархиальные ведомости, 1915.

Исторические исследования, 2011 – Исторические исследования в России. III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 584 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края Ф.161. Красноярская городская управа.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Енисейское губернское правление

Колоткин, 2012 – Колоткин М. Н. Латгальские поселенцы в Сибири / Отв. ред. А.В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд., испр. Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края; Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 69, [2] с.

Комарова, 2007 – Комарова Т.С. «Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...». Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 138 с.

Кузьменко, 2014 – Кузьменко А.С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы первой мировой войны. // Сибирь в войнах начала XX века. Красноярск, Архивное агентство Красноярского края, 2014. С.117–120

Межэтнические связи, 2007 – Межэтнические связи Приенисейского региона. Красноярск: [б. и.], 2007. Ч. 2. 1917-1992 гг. / [сост.: С. А. Минина и др.]. 2007. 383 с., [8] л. ил.

Нам, 2003 – Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. Чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003. Кн.2. С.276–279

Оськин, 2014 – Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М.: Вече, 2014 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html> (дата обращения: 02.08.2016)

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: КрасГАУ, 2003. 150 с.

Полякова, 2015 – Black sea governorate during World war I: a historiographical survey // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36(2). С. 366–372

Рыбаковский, 2001 – Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: три стадии миграционного процесса: очерки теории и методологии исследования. М.: Наука, 2001

Рынков, 2015 – Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. N. 3 (22). С. 70–75.

Суржикова и др., 2012 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914-1922 годов в контексте новейших отечественной и зарубежной историографий. // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20). История.

Утгоф, 2002 – Утгоф В.С. Реевакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Источник. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2002 . С. 396–416.

Шевырин, 2000 – Шевырин В.М. Земский и городской союзы (1914–1917). М., 2000. 63 с.

Шевырин, 2003 – Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. 151 с.

Blum, 2011 – Blum M. Government decisions before and during the first world war and the living standards in germany during a drastic natural experiment. Explorations in Economic Histor. 2011. Vol. 48, H. 4. S. 556–567.

Lange, 2015 – Lange B. Poste restante, and messages in bottles: Sound recordings of indian prisoners in the first world war. Social Dynamics. 2015. Vol. 41, H. 1. S. 84–100.

Spoerer, 2006 – Spoerer M. The mortality of allied prisoners of war and belgian civilian deportees in german custody during the first world war: A reappraisal of the effects of forced labour. Population Studies. 2006. Vol. 60, H. 2. S. 121–136.

Vögele, 2009 – Vögele J. Wenn das leben mit dem tod beginnt - säuglingssterblichkeit und gesellschaft in historischer perspektive. Historical Social Research. 2009. Vol. 34, H. 4. S. 66–82.

References

Bazhenova, 2011 – Bazhenova K.E. Deyatel'nost' organizatsii Vserossiiskogo zemskogo soyuza i Vserossiiskogo soyuza gorodov Permskoi gubernii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody pervoi mirovoi voiny // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 12 (227). Istoriya. Vyp. 45. S. 21–27.

Belova, 2013 – Belova I.B. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voiny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2013. №12. S. 51 – 62

Belova, 2014 – Belova I.B. Vynuzhdennyye migranty: bezhtentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914-1925 gg. – (Seriya «AIRO-monografiya»). – M.: AIRO KhKhI, 2014. – 432 s., 16 s. ill.;

Getrell, 2001 – Getrell P. Bezhtentsy v Rossii v gody pervoi mirovoi voiny // Istoricheskie zapiski. 2001. №4 (122). S.46–72

Gorelov, 2002 – Gorelov Yu.P. Priem bezhtentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny // Sibir': KhKh vek: mezhvuz. sb. nauchn. trudov. Kemerovo, 2002. Vyp.4. S. 66–73.

EEV, 1915– Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti, 1915.

Istoricheskie issledovaniya, 2011 – Istoricheskie issledovaniya v Rossii. III. Pyatnadtsat' let spustya / Pod redaktsiei G.A. Bordyugova. M.: AIRO-XXI, 2011. 584 s.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia F.161. Krasnoyarskaya gorodskaya uprava.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia. F. 595. Eniseiskoe gubernskoe pravlenie

Kolotkin, 2012 – Kolotkin M. N. Latgal'skie poselentsy v Sibiri / Otv. red. A.V. Andronov, L. Leikuma. 2-e izd., ispr. Achinsk: Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Tsentr latgal'skoi kul'tury» Krasnoyarskogo kraia; Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2012. 69, [2] s.

Komarova, 2007 – Komarova T.S. «Tem, kto v zabven'e broshen byl sud'boi...». Eniseiskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny. Krasnoyarsk: Sibirskii pechatnyi dvor, 2007. 138 s.

Kuz'menko, 2014 – Kuz'menko A.S. Sibirskii tyl i «nedobrovol'nye» migranty v gody pervoi mirovoi voiny. // Sibir' v voynakh nachala KhKh veka. Krasnoyarsk, Arkhivnoe agentstvo Krasnoyarskogo kraya, 2014. S.117–120

Mezhetnicheskie svyazi, 2007 – Mezhetnicheskie svyazi Prieniseiskogo regiona. Krasnoyarsk: [b. i.], 2007. Ch. 2. 1917-1992 gg. / [sost.: S. A. Minina i dr.]. 2007. 383 s., [8] l. il.

Nam, 2003 – Nam I.V. Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny // Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: IV nauch. Chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: sb. nauch. trudov. Barnaul, 2003. Kn.2. S.276–279

Os'kin, 2014 – Os'kin M.V. Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi: plennye, dezertiry, bezhentsy. M.: Veche, 2014 [elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html> (data obrashcheniya: 02.08.2016)

Pavlova, 2003 – Pavlova I.P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2003. 150 s.

Polyakova, 2015 – Black sea governorate during World war I: a historiographical survey // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2015. № 36(2). S. 366–372

Rybakovskii, 2001 – Rybakovskii L.L. Migratsiya naseleniya: tri stadii migratsionnogo protsessa: ocherki teorii i metodologii issledovaniya. M.: Nauka, 2001

Rynkov, 2015 – Rynkov V.M. Bezhentsy i prinyimayushchii sotsium: k kharakteristike sotsial'noi mobil'nosti v gody Pervoi mirovoi voiny // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. N. 3 (22). S. 70–75.

Surzhikova i dr., 2012 – Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A. Rossiiskoe bezhenstvo 1914-1922 godov v kontekste noveishikh otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii. // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. 3 (20). Istoriya.

Utgof, 2002 – Utgof B.C. Reevakuatsiya belorusskikh bezhentsev Pervoi mirovoi voyny (nachal'nyi etap): struktury, formy, organizatsiya // Istochnik. Istorik. Istoriya: sb. nauch. rabot. SPb., 2002 . S. 396–416.

Shevyrin, 2000 – Shevyrin V.M. Zemskii i gorodskoi soyuzy (1914–1917). M., 2000. 63 s.

Shevyrin, 2003 – Shevyrin V.M. Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917). M., 2003. 151 s.

Blum, 2011 – Blum M. Government decisions before and during the first world war and the living standards in germany during a drastic natural experiment. Explorations in Economic Histor. 2011. Vol. 48, H. 4. S. 556–567.

Lange, 2015 – Lange B. Poste restante, and messages in bottles: Sound recordings of indian prisoners in the first world war. Social Dynamics. 2015. Vol. 41, H. 1. S. 84–100.

Spoerer, 2006 – Spoerer M. The mortality of allied prisoners of war and belgian civilian deportees in german custody during the first world war: A reappraisal of the effects of forced labour. Population Studies. 2006. Vol. 60, H. 2. S. 121–136.

Vögele, 2009 – Vögele J. Wenn das leben mit dem tod beginnt - säuglingssterblichkeit und gesellschaft in historischer perspektive. Historical Social Research. 2009. Vol. 34, H. 4. S. 66–82.

УДК 94:2-5(571.51)

Беженцы в тылу первой мировой войны (на примере Енисейской губернии)

Анна Павловна Дворецкая^{а*}, Анна Сергеевна Жулаева ^а, Галина Михайловна Луцаева ^а

^а Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Красноярск, Российская Федерация

* корреспондирующий автор, адрес электронной почты: advoreckaya@mail.ru

Аннотация.

В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума Приенисейской Сибири 1914–1918 гг. рассматривается потенциал социальной мобильности беженцев первой мировой войны, анализируются меры и формы их социальной поддержки, направленные на поддержание жизнеобеспечения в условиях потери имущества, социального статуса.

Авторы приходят к следующим выводам на примере Енисейской губернии. В годы первой мировой войны был накоплен значительный опыт привлечения дополнительных ресурсов в момент чрезвычайных ситуаций. Разработаны конкретные мероприятия на местах, рассчитанные на улучшение состояния крупных перемещаемых контингентов населения, во избежание криминализации ситуации создавались территориальные группы помощи. Хотя военная обстановка была в этот период тяжелой, порядок, безопасность и питание беженцев были организованы неплохо. Большинство беженцев в довольно короткое время добрались до мест назначения. В случае действенной материальной помощи и реальной социальной поддержке горечь утраты значительно снижалась.

Однако миграционная мобильность беженцев была невысокой, а возможность адаптации их к сибирским условиям незначительной из-за преобладания в их среде женщин, стриков и детей, низкой квалификации на рынке труда. У вынужденных мигрантов наблюдался кризис идентичности, переживаемая травма вела к психологическим последствиям. Возникали отрыв от своей социальной, этнической общности.

Ключевые слова.

беженцы, Первая мировая война, вынужденная миграция, социальная мобильность, 1914–1918 гг.